

ПОЛИТИЯ

А.Ф.Павловский
В ПОИСКАХ
ГЛОБАЛЬНОЙ ПАМЯТИ:
КУДА ВЕДЕТ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПОВОРОТ В MEMORY STUDIES?¹

¹ Автор благодарит Алексея Миллера, Нари Шелекпаева, Анастасию Павловскую, Арсения Моисеенко, Карину Хаснулину и Михаила Кондратьева за советы и комментарии к ранним версиям статьи.

Алексей Федорович Павловский — аспирант факультета истории, ассоциированный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге. Для связи с автором: apavlovskiy@eu.spb.ru.

Аннотация. Статья посвящена транснациональному повороту в исследованиях коллективной и культурной памяти в XXI в., отражающему стремление ученых, работающих в русле Memory studies, выйти за пределы «методологического национализма» и исследовать формирование и циркуляцию исторической памяти поверх границ. Опираясь на англоязычную литературу 2000—2020-х годов, автор анализирует нарождающееся поле Transnational Memory studies с точки зрения категориального аппарата, дисциплинарных особенностей и исследовательских подходов.

Зафиксировав, что рассуждения о транскультурном измерении коллективной памяти присутствуют еще в работах классиков Memory studies, автор показывает, что двигателем усилий их современных критиков являются попытки концептуализировать память о Холокосте, Второй мировой войне, колониализме и других событиях «трудного прошлого». Обилие сформулированных за последние годы близкородственных концептов создает видимость конкуренции на этом поле, однако зачастую за этими концептами стоят принципиально разные идеологические и методологические установки, и если некоторые из концептов обладают определенным эмпирическим потенциалом, то другие носят откровенно нормативный характер.

Говоря о сегодняшнем состоянии Transnational Memory studies, автор выделяет шесть основных исследовательских оптик — международную, наднациональную, диаспорическую, медиатизированную, цифровую и, наконец, глобальную, связанную с проблемой синхронии/симультанности памяти. Вместе с тем, по его заключению, избавление от национальной перспективы в понимании транснациональной памяти еще далеко от завершения, и уже сам факт того, что ученые смотрят поверх границ, свидетельствует о наличии таковых.

Ключевые слова: глобальная память, транснациональная память, транскультурная память, Memory studies, места памяти, Холокост, simultaneity

Введение

Транснациональный поворот в исследованиях культурной памяти — часть большого поворота гуманитарных наук в конце XX — начале XXI в., направленного на отказ от «методологического национализма», рассматривающего национальное государство как онтологический контейнер основных образов и смыслов. В этом контексте глобальная и транснациональная история оказывается вызовом старым компаративным моделям, анализирующим разные феномены, будь то цивилизации или национальные государства, изолированно друг от друга. Вместо этого транснациональный подход фокусируется на мобильности, циркуляции, заимствованиях и иных формах взаимосвязанности различных групп. Глобальный подход добавляет к транснациональной оптике особую чувствительность к проблеме simultaneity и синхронии в истории, а также акцент на процессах устойчивой интеграции, приобретающих качество и масштаб глобальных².

² См. Haupt and Kocka (eds.) 2009; Iriye and Saunier (eds.) 2009; Конрад 2018: 19–28, 60–71.

Но как применить эти подходы не к истории эпидемий, технологического трансфера или торговли в Средиземноморье, а к истории культурной памяти — вещи, которая многим за пределами Memory studies может показаться эфемерной? Сегодня соответствующий концепт служит зонтичным брендом для исследований нарративов и репрезентаций прошлого, а также акторов и институтов, ответственных за архивацию, канонизацию и распространение культурных текстов, способствующих формированию групповых идентичностей³. Как этот концепт, изначально работавший при изучении локальных и национальных образов прошлого, транснационализировать или даже глобализировать? Есть ли для этого потенциал? И какие вопросы надо начать задавать, чтобы его реализовать?

³ См. Assmann 2011; Ассман 2014.

Transnational Memory studies (в том виде, в каком это субполе со своим категориальным аппаратом и подходами существует последние 10 лет) — результат уникальной синхронии начала XXI в. Общий эффект глобализации 1990-х годов, распространение образов Холокоста как «глобальной иконы» в Европейском союзе и США, завершение институционального оформления Holocaust studies и Memory studies в Европе и Америке, зарождение особого направления Media memory studies⁴ — без всего этого данный подход не получил бы относительной известности даже в рамках изучения коллективной памяти, которое ведется на протяжении уже нескольких поколений⁵. Какие «социальные рамки памяти» позволяют помнить «за пределами нации»? Как новые посредники памяти и медиа формируют коллективную память в транснациональном взаимодействии? В чем особенности диаспорической памяти, памяти мигрантов? Из чего складывается транснациональная память колониализма? Как интеграция продуцирует новые памяти,

⁴ Сафронова 2019: 167–188.

⁵ См. Сафронова 2018; Головашина 2022b.

а с ней и новые идентичности? Как разные культуры памяти заимствуют элементы друг друга? В конце концов, приводит ли глобализация к ослаблению локальных/национальных памятей, или же она усиливает их, делает видимыми, сталкивает с другими унифицирующими нарративами⁶? Именно эти вопросы находятся в центре внимания *Transnational Memory studies*.

⁶ *De Cesari and Rigney 2014.*

⁷ *Репина 2017; Летняков 2020.*

⁸ *Аникин 2011: 17–18.*

⁹ *Эрлих 2016: 28.*

¹⁰ *Пахалюк 2016: 42–45.*

Обращаются к изучению транснациональной и глобальной памяти и российские исследователи⁷, усматривающие в ней как возможности, так и вызовы для национальных версий прошлого⁸. Некоторые авторы связывают глобальную память с изменениями этического порядка и распространением культуры покаяния за преступления прошлого⁹. Другие видят в ней продукт глобализации и деятельности транснациональных корпораций, рассуждая о возможной социальной основе такой памяти — от формирования глобальной информационной повестки до нарастания общемировых проблем¹⁰. Тем не менее соответствующие работы часто носят декларативный характер, при всей интеллектуальной интуиции авторов не позволяя разглядеть разнообразие предметов исследования за тем, что обозначается как транснациональная или глобальная память. Настоящая статья является попыткой заполнить эту лакуну.

Цель статьи — охарактеризовать транснациональный поворот в *Memory studies* с точки зрения концептов, дисциплинарных особенностей и подходов. В качестве источников в ней использована англоязычная литература. Сначала я обращаюсь к классическим работам в рамках *Memory studies*, которые часто обвиняют в «методологическом национализме», затем описываю наиболее важные концепты, определяющие логику существующих исследований транснациональной памяти, и наконец обобщаю конкретные исследовательские подходы внутри данного направления, в том числе показывая разницу между дисциплинарными оптиками.

**Memory studies
до транс-
национального
поворота:
«методологи-
ческий национа-
лизм»...
или все-таки нет?**

Приверженцы транснационального поворота в *Memory studies* во многом обосновывают его через критику предшествующих проектов — классических работ и концептов Мориса Хальбвакса, Пьера Нора, Яна Ассмана и Алейды Ассман. Подходы этих ученых, ключевых для развивающейся дисциплины, объявляются недостаточно транснациональными или транскультурными, поскольку они, с одной стороны, сфокусированы на коммуникативной передаче воспоминаний через память небольших групп, а с другой, уделяют избыточное внимание канонам культурной памяти, обслуживающим национальное прошлое. При этом утверждается, что исследования транснациональной памяти позволяют перейти «от статической модели памяти к динамической, от органической памяти к медиатизированной, от локальной модели памяти к космополитической»¹¹. Подобная критика имеет смысл как маркетинговый ход, чтобы подчеркнуть обособление нового направления, однако за-

¹¹ *Rothberg 2014b: 128.*

ставляет задуматься о том, насколько всеобъемлющим был «методологический национализм» классиков Memory studies и нельзя ли найти у них то, что сближает их с адептами транснационального подхода к изучению памяти.

Если бы можно было воскресить французского социолога Мориса Хальбвакса (1877—1945), мы наверняка бы услышали от него: «Транснациональная память — это оксюморон». Отец Memory studies имел массу причин так думать. Стоит напомнить, что в 1920-е годы усилия Хальбвакса как ученика Эмиля Дюркгейма были направлены на доказательство того, что коллективная память *вообще существует* и что процесс памятования не прекращается до тех пор, пока его конструируют и обрамляют «социальные рамки памяти» в виде коллективной памяти семьи, религиозной памяти и памяти общественных классов¹². Даже в конце 1930-х годов, рефлексирова о нации как возможной «социальной рамке», Хальбвакс отвергал возможность национальной памяти в силу отсутствия субъекта и носителя таковой, поскольку ни один индивид не помнит в подобном масштабе. С его точки зрения, национальной может быть только история как способ письма, конструирующий объективное, универсальное и единое, но не память, которая является эмоциональной, групповой и частной¹³.

¹² Хальбвакс 2007: 185—218, 219—264, 265—318.

¹³ Хальбвакс 2005.

Вместе с тем важно учитывать, что Хальбвакс считал национальную историю искусственным разрывом подлинной *единой* истории. Он подчеркивал, что «мир истории подобен океану, в который впадают все частные истории»: писать историю Франции — это хорошо, но писать историю Европы — гораздо лучше¹⁴. Безусловно, в случае концепции Хальбвакса проблематично говорить не только о транснациональной, но даже о национальной памяти, однако в ней нет и следа «методологического национализма», рассматривающего национальное государство в качестве главного контейнера смыслов и образов.

¹⁴ Там же.

Перечитывая позднейшего Хальбвакса, а именно «Легендарную топографию Евангелий в Святой Земле» (1941), нетрудно заметить, как его подход соотносится с современными если не транснациональными (в XI в. наций не было), то транскультурными исследованиями памяти. Упомянутая книга посвящена тому, как крестоносцы и христианские паломники переносили на физический ландшафт Палестины воображаемый библейский пейзаж, либо просто изобретая «места Христа», либо подстраивая под свои нужды иудейские места коммемораций¹⁵. Таким образом, речь в ней идет о знаковом (транс)культурном трансфере в истории Европы и Ближнего Востока, и потому Хальбвакс вполне может стать источником вдохновения для тех, кто занят поиском глобального и транснационального измерений культурной памяти в XXI столетии.

¹⁵ Сафронова 2019: 53—55; Головашина 2022а.

На ту же роль может претендовать и создатель альтернативной теории коллективной памяти — немецкий историк искусства Аби Варбург (1866—1929). Его искусствоведческий подход к памяти кардинально отличался от социологического подхода Хальбвакса: в своих работах

ученый исследовал «переселение образов», показывая, как на протяжении тысячелетий шло перемещение иконографических моделей — из античной культуры через культуры Востока в европейскую культуру времен Ренессанса, которая заимствовала у античной иконографии не только формы пафоса и жесты, но и присущую ей эмоциональную «память об аффекте»¹⁶. Как справедливо отмечает автор предисловия к русскому переводу «Великого переселения образов» Илья Доронченков, исследовательский проект Варбурга в 1920-е годы «был посвящен проблеме общественной памяти, понятой как визуальная память культуры, порождаемым ею традициям и возникающим при этом „странным сближениям“, в рамках которых даже «в революционном модернизме способна воскреснуть память о древних божествах и ренессансных транскрипциях античности»¹⁷. В подобном подходе к изучению образов, порожденных одной культурой и трансформированных другой, нетрудно усмотреть предтечу исследований транскультурной памяти в современных Memory studies.

¹⁶ См. Доронченков 2008.

¹⁷ Там же: 36.

Гораздо проще обвинить в «методологическом национализме» масштабный проект «Места памяти» французского историка Пьера Нора, с которым ассоциируется второе рождение Memory studies и первичная институционализация направления в 1980—1990-е годы. Именно этот проект и является главным объектом нападков со стороны приверженцев транснационального подхода. Изучая коллективную память Франции, Нора и другие участники проекта понимали под «местом памяти» «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»¹⁸. «Местом памяти» могло оказаться все что угодно — от персонажей-символов вроде Жанны д'Арк и солдата Шовена до некрополя Пантеона и очертаний Гексагона как элементов наследия национальной общности французов. При этом создатели проекта полностью отдавали себе отчет в том, что их обвиняют как раз в нежелании выйти за рамки национального государства, однако, отвечая оппонентам, указывали, что именно национализм и идея нации в XIX и XX вв. привели к появлению подавляющего большинства «мест памяти». Иными словами, сами «места памяти» (в трактовке Нора) изначально национализированы¹⁹, а следовательно, довольно сложно найти транснациональное «место памяти».

¹⁸ Нора 1999: 78.

¹⁹ Там же: 79—81.

Вместе с тем наблюдения некоторых участников проекта шли вразрез с этой констатацией. Так, анализируя Жанну д'Арк как «место памяти», Мишель Винок отмечал, что во второй половине XIX в. так называемый Дом Жанны в Лотарингии был местом паломничества не только французов, но также немцев и бельгийцев; в начале XX в. проблема канонизации Жанны д'Арк играла важную роль в дипломатических отношениях Франции и Ватикана; а в конце 1970-х годов Жанна д'Арк стала превращаться в элемент общеевропейского транснационального дискурса (что было связано с выборами в Европарламент)²⁰. Это свидетельствует о том, что по мере развития политической и/или

²⁰ Винок 1999.

культурной интеграции в мире национальные «места памяти» способны транснационализироваться, и условная Жанна д'Арк может служить индикатором соответствующих процессов. Не случайно по мере укрепления Евросоюза как политической, культурной и наднациональной общности попыток рассмотреть не французские, немецкие или итальянские, а панъевропейские²¹, центральноевропейские, восточноевропейские, югославские и иные транснациональные «места памяти», несмотря на все сложности с определением этих «мест» и их регионов, становится все больше²².

²¹ Leggewie 2008.

²² Majerus 2014.

Таким образом, перечитывание ранних работ в русле Memory studies позволяет как минимум поставить под вопрос обоснованность адресуемых их авторам упреков в «методологическом национализме». Разумеется, было бы ошибкой преувеличивать «транснациональность» классических подходов, однако еще до транснационального поворота 2000—2010-х годов им, бесспорно, не была чужда рефлексия о транскультурном измерении памяти. В этих условиях из объекта «тотемно-ритуальных» ссылок и Хальбвакс, и Варбург, и участники проекта «Места памяти» могут стать движителями настоящих размышлений о проблеме.

**Транс-
национальный
поворот
в поисках новых
концептов памяти**

История Memory studies как дисциплины — это история конкуренции близкородственных концептов. В полной мере это относится и к транснациональному повороту 2000-х годов. Введенные в оборот в течение одного десятилетия концепты «глобальной», «космополитической», «переплетенной», «диалогической», «разнонаправленной», «транскультурной», «путешествующей» памяти отражали общее намерение исследователей мыслить коллективную и культурную память «за пределами нации», рассматривая ее в качестве результата транснационального взаимовлияния и обмена. Однако у каждого из этих концептов есть свой дисциплинарный, идеологический и методологический бэкграунд, разница между которыми может быть очень существенной, когда мы задаемся вопросом: что мы изучаем, говоря, что изучаем транснациональную память?

Транснациональный поворот в Memory studies невозможно себе представить без изучения культурной памяти о Холокосте. Именно применительно к памяти о Шоа в начале 2000-х годов американско-израильскими социологами Даниэлем Леви и Натаном Шнайдером были впервые использованы понятия «космополитическая память» и «глобальная память». Вслед за американским социологом Джефффри Александером, автором концепта «культурная травма», обозначающим процесс формирования доминирующих и альтернативных нарративов страдания сообщества в прошлом, а также институционализации этих нарративов в различных сферах — от юриспруденции и политики до религии, эстетики и науки²³, Леви и Шнайдер утверждали, что начиная с 1990-х годов уничтожение нацистами шести миллионов европейских евреев ста-

²³ Alexander 2002, 2004.

ло восприниматься в Западной Европе и США как «сакральное зло» и память о нем превратилась в «моральную универсалию». По их мысли, в условиях глобализации подобная форма памяти должна стать нравственным мериллом по отношению к культурным травмам, в том числе не связанным с Холокостом, и способствовать усвоению дискурса о правах человека как основы современной цивилизации²⁴.

²⁴ *Levy and Sznajder 2005: 1—8.*

Другими словами, глобальная память трактовалась ими как инструмент гомогенизирующего процесса, а усвоение немецкой модели покаяния — как оптимальный путь к моральному прогрессу любой страны с «трудным прошлым». Однако такое отношение к глобальной памяти сегодня критикуется многими исследователями. И дело не только в нормативности концепта (глобальная память должна быть универсальной и популяризировать соответствующий нарратив о жертвах и преступниках), но и в излишней оптимистичности вывода Леви и Шнайдера о доминировании глобальной памяти о Холокосте в Европе, Америке и за их пределами, что ставится под сомнение рядом авторов²⁵.

²⁵ *Gabowitsch 2017.*

Альтернативного взгляда на глобальную память о Холокосте придерживается немецкий историк Алейда Ассман. В отличие от Леви и Шнайдера, она предлагает воспринимать глобальную память не как космополитическую метафору, а как мемориальные действия конкретных акторов памяти. С ее точки зрения, при изучении глобальной памяти возможны четыре концептуальные оптики, которые могут и не пересекаться. Во-первых, это представление о Холокосте как об исторической памяти нации жертв (Израиля, еврейской диаспоры), нации преступников (Германии), наций-освободительниц (стран антигитлеровской коалиции), а также европейских наций, на чьей территории осуществлялся геноцид. Во-вторых, это Холокост как транснациональная память по обе стороны Атлантики (что Ассман связывает как с «американизацией» Холокоста, так и с деятельностью наднациональной Целевой группы по международному сотрудничеству в области просвещения, памяти и исследования Холокоста, созданной в 1999 г. в целях развития образовательных программ по истории Холокоста в различных странах). В-третьих, это память о Холокосте как универсальная светская этическая норма, которую пропагандируют правозащитные организации (здесь Ассман цитирует Леви и Шнайдера, указывая при этом, что глобальность этой нормы отнюдь не очевидна и многие арабские страны открыто отвергают ее). В-четвертых, это Холокост как «глобальная икона», набор визуальных монограмм, которые продвигают различные медиа, будь то кино, пресса, телевидение или интернет²⁶.

²⁶ *Ассман 2017.*

При таком угле зрения Холокост, бесспорно, является глобальной памятью, но из этого, на мой взгляд, не следует, что «иконические» образы Холокоста автоматически способствуют распространению этических императивов памяти о нем. Вместе с тем использование концептов «историческая память», «транснациональная память», «универсальная

норма» и «глобальная икона» в отношении памяти о Холокосте позволяют лучше настроить исследовательские оптики применительно к другим «местам памяти».

Второй этап транснационального поворота в Memory studies связан с появлением концептов «диалогической», «переплетенной» и «разнонаправленной» памяти. Не претендуя на обобщение глобальной памяти, все три концепта касаются распространения, усвоения и заимствования нарративов памяти поверх национальных границ, однако между ними существуют нормативные и дескриптивные различия.

Первый концепт — «диалогическая память» — носит нормативный характер и во многом основывается на критике герметичности национальной памяти стран Евросоюза о Второй мировой войне. Как подчеркивает предложившая его Ассман, большинство этих стран согласны лишь на одну из трех ролей — «победителя, одолевшего зло», «борца и мученика, оказавшего сопротивление злу», или «пассивной жертвы, пострадавшей от злодеяний». Между тем ЕС как политическое объединение, обладающее властью по унификации исторических нарративов, должен взламывать «монолитную конструкцию памяти, очерченную национальными границами», продвигая практики диалогической памяти, предполагающей «взаимное признание чередующихся ролей преступника и жертвы в совместной истории совершенных и пережитых преступлений»²⁷ (как в случае памяти о Холокосте и Накбе²⁸ в контексте израильско-палестинских отношений²⁹).

Подобный подход несколько компрометирует концепт диалогической памяти, так как Ассман здесь выступает уже не столько в качестве исследователя, сколько в качестве идеолога евроинтеграции, выдвигающего нормативную установку и стратегию ее реализации. При этом диалогическая память, как и глобальная память в трактовке Леви и Шнайдера, выглядит скорее утопическим пожеланием. В реальности, как отмечают другие авторы, «конкуренция жертв» и транснациональный «виктимный национализм» в различных странах Европы и Азии после Второй мировой войны гораздо более ощутимы³⁰, чем попытки наладить транснациональный диалог путем создания общего учебника истории или финансирования музея, учитывающего обе национальные точки зрения. Взаимовлияние нарративов не означает их немедленного идеологического сближения.

Этот аспект во многом ухвачен в концепте немецкого историка Себастьяна Конрада «переплетенные памяти» (entangled memories), который мне кажется более удачным, чем «диалогическая память», в силу стоящей за ним методологии. Так, в своей работе, посвященной сравнению памяти Германии и Японии о Второй мировой войне, Конрад призывает помещать объекты памяти — национальный миф и военную память — в широкий региональный контекст, изучая их как результат, с одной стороны, попытки акторов установить связь с коллективным прошлым (генеалогическое понимание памяти), а с другой, реакции

²⁷ Ассман 2016: 209—210.

²⁸ Накба — термин, нередко используемый для описания массового «исхода» палестинцев с территории Израиля в процессе и результате арабо-израильских войн.

²⁹ Ассман 2019: 131—145.

³⁰ Lim 2010.

актеров на множество импульсов и влияний в настоящем (память как следствие синхронии/симультанности)³¹.

³¹ *Conrad 2003: 86–87.*

В отличие от Ассман, Конрад считает, что такая модель производства воспоминаний не означает общей истории (shared history) разных стран, «предполагающей надежду на согласованные интерпретации прошлого». Однако она приводит к тому, что сама национальная идентичность, будь то немцев, американцев или японцев, становится «плодом, а не... условием транснационального взаимодействия, обмена и переплетения»³². Иначе говоря, согласно Конраду, национальная память, якобы герметичная и монологичная в своем содержании и автореференциях, часто является продуктом транснационального влияния — изящный тезис, позволяющий выйти за рамки «методологического национализма» и одновременно деконструировать его как производное широких межнациональных процессов и неочевидных трансферов. В дальнейшем теория Конрада повлияла на известный концепт «сплетенная память» (entangled memory) Грегора Фейндта и его соавторов, рассматривающих транснациональную память как частный случай «множественных точек зрения, асимметрии и перекрестных мнемонических практик»³³, в принципе характерных для групп, институтов, медиа, культур, а не только для наций.

³² *Ibid.: 87.*

³³ *Feindt et al 2014: 35.*

К сожалению, термин «переплетенные памяти» сегодня часто используется как метафора без всякой привязки к Конраду; иногда это просто синоним транснационального подхода или даже концепта разнонаправленной памяти (multidirectional memory) американского литературоведа Майкла Ротберга³⁴. Впрочем, эти концепты действительно схожи. В книге «Разнонаправленная память: Вспоминая Холокост в эпоху деколонизации» Ротберг, подобно Конраду, демонстрирует, насколько неочевидной может быть диалогическая ситуация, казалось бы, далеких друг от друга памятей. Так, объединяя подходы Holocaust studies и постколониальную теорию, Ротберг показывает, как дискурс о трансатлантическом рабстве и европейском колониализме повлиял на дискурс о Холокосте как геноциде и как позднее нарративы памяти о Холокосте начали заимствоваться афроамериканскими активистами, борющимися за признание культурной травмы рабства и расизма. В результате в современной мемориальной ситуации в США память о Холокосте и память о рабстве в Америке оказались взаимосвязаны³⁵. Соответственно, полагает Ротберг, коллективную память о травматическом прошлом продуктивнее рассматривать не как *сосязательную*, предполагающую «борьбу за скудные ресурсы с нулевой суммой», а как *разнонаправленную* — «как «предмет... переговоров, перекрестных ссылок и заимствований»³⁶.

³⁴ *См., напр. Henderson and Lange (eds.) 2017; Fareld 2021; Fischer 2022.*

³⁵ *Rothberg 2009: 1–29.*

³⁶ *Ibid.: 3.*

Аналогично Конраду в случае «переплетенных памятей», Ротберг подчеркивает, что дискурсивные трансферы разнонаправленной памяти не порождают автоматически солидарности между группами. Заимствование «аффективного словаря» Холокоста³⁷ есть факт транснационального взаимодействия, но это не значит, что потомки выживших

³⁷ Термин Паолы Эброн (см. *Ebron 2014*).

в Шоа воспринимают травму потомков рабов как свою или наоборот, и попытка принудить их к этому едва ли увенчается успехом. Однако, на мой взгляд, это не умаляет ценности концепта разнонаправленной памяти, который служит противовесом от «методологического национализма» или старомодного варианта компаративистики, анализирующей объекты сравнения как герметичные и не влияющие друг на друга. Из всех упомянутых концептов «разнонаправленная память» получила наибольшую популярность в *Memory studies* — во многом за счет неожиданного, но убедительного совмещения двух важных предметов исследования: памяти о Холокосте и памяти о колониализме.

Третий (и последний на сегодняшний день) концептуальный поворот в *Transnational Memory studies* связан с сомнениями ученых в плодотворности использования «национального» фрейма в самой категории транснационального. Эта проблема присуща транснациональной истории вообще, так как речь идет о неспособности расстаться с понятием, которое исследователи хотели бы преодолеть (то есть «нацией»), и потому в качестве альтернативных предлагаются термины «трансрегиональная» или «транслокальная история»³⁸. В случае *Memory studies* таким альтернативным концептом служит «транскультурная память» — термин, предложенный в 2011 г. немецкой исследовательницей Астрид Эрл. По ее мнению, применение его при исследовании памяти поможет избежать имплицитного представления о нации как о главном контейнере культуры и анализировать трансферы внутри больших наднациональных культур (англо-американская, испаноязычная, русскоязычная культура) и между ними. Подобный подход, с точки зрения Эрл, позволяет лучше рассмотреть, как благодаря медиа различные нарративы, образы и модели памятования, игнорируя всяческие границы, циркулируют между группами в разных точках планеты, превращая транскультурную память в синоним памяти мигрирующей, путешествующей (*travelling memory*)³⁹.

В данной трактовке концепт транскультурной памяти приобрел немалое влияние среди исследователей и активно используется в *Memory studies*⁴⁰. Вместе с тем он не вполне снимает угрозу эссенциализации, перенося ее с нации на культуру: либо та окажется очередным герметичным контейнером смыслов, либо мы не будем в состоянии определить, что есть, собственно, культура поверх национальных границ.

Защитники концепта транснациональной памяти, например Кьяра де Чезари и Энн Ригни, справедливо напоминают, что границы все-таки существуют — как воображаемые, так и государственные. Даже в эпоху глобализации национальные государства остаются главными акторами исторической и мемориальной политики, и их нельзя списывать со счета, как бы нам того ни хотелось в погоне за интеллектуальной модой, требующей во всем видеть общечеловеческие связи, заимствования и обмен. Однако доминирование государств не мешает мыслить культурную память транснационально, что означает анализировать ло-

³⁸ Конрад 2018: 70—71.

³⁹ Эрл 2011.

⁴⁰ См., напр. Bond and Rapson (eds.) 2014.

⁴¹ *De Cesari and Rigney 2014: 3—6.*

**Transnational
Memory studies:
дисциплинарные
оптики и подходы**

⁴² *См., напр. Erll 2020; Hoskins and Halstead 2021; Kasianov 2022.*

⁴³ *Hebel (ed.) 2009; Gutman, Brown, and Sodaro. (eds.) 2010; Assmann and Conrad (eds.) 2010; Langenbacher and Shain (eds.) 2010; Bond and Rapson (eds.) 2014; De Cesari and Rigney (eds.) 2014; Gabowitsch (ed.) 2017; Andersen and Törnquist-Plewa (eds.) 2017.*

кальную, национальную и глобальную память не как отделенные друг от друга иерархические части одного «контейнера», а как динамические оптики, находящиеся во взаимодействии и взаимовлиянии⁴¹.

Распространение теорий глобальной, разнонаправленной и транскультурной памяти спровоцировало настоящий бум в Transnational Memory studies. Так, если за период с 2008 по 2017 г. в журнале «Memory Studies» вышло всего 20 статей, имевших отношение к транснациональной памяти, то в 2018—2022 гг. — уже 70. Усилению интереса к этой тематике во многом способствовали события последних лет, прежде всего пандемия COVID-19 и крупномасштабные военные действия в Европе, а также мощное развитие цифровых технологий, отчетливо показавшие силу, потенциал и вместе с тем хрупкость глобализованного мира, что не могло не привлечь внимание исследователей памяти⁴².

Но даже превращаясь в мейнстрим, Transnational Memory studies остаются (меж)дисциплинарным предприятием, и именно дисциплинарные оптики во многом определяют, как понимается транснациональный подход (а тем самым и то, какие подходы существуют бок о бок под зонтичным брендом транснационального).

Весьма примечательна уже сама география Transnational Memory studies. Так, если мы посмотрим на страновую принадлежность авторов восьми наиболее известных англоязычных сборников, посвященных транснациональной памяти и опубликованных в 2009—2017 гг.⁴³, то обнаружим, что ядро направления составляют специалисты из США (29%) и Германии (27%) — традиционных лидеров в Memory и Holocaust studies. Далее следуют ученые из Великобритании (9%), Нидерландов (9%), Дании (5%), Польши (4%), а завершают список Австрия, Канада, Израиль, Исландия и Австралия (по 2%).

Еще более любопытные пропорции дает анализ дисциплинарного бэкграунда упомянутых авторов. Первое место среди них делят литературоведы и историки (по 30%). Среди литературоведов преобладают компаративисты, специалисты по англоязычной, латиноамериканской и немецкой литературе, исследователи культурной травмы Холокоста и колониальных практик. В центре их внимания — медиапамять, трансфер визуальных образов и литературных нарративов. В жанровом отношении к ним примыкают историки искусств (6%) и музеологи (2%). Что касается историков, то это в основном специалисты по второй половине XX в., изучающие память о Второй мировой войне, Холокосте и других геноцидах, в том числе в сравнительной перспективе. В содержательном плане их больше занимают политические, социальные и историографические аспекты рассматриваемой проблемы.

Широко представлены в выборке также культурные антропологи (10%), социологи (9%) и политологи (9%). Антропологи и социологи исследуют локальные культуры памяти в их взаимосвязи с трансна-

циональной повесткой; политологи, как правило, сфокусированы на правах человека и правосудии переходного периода (transitional justice) в странах с «трудным прошлым»⁴⁴. Начали обращаться к соответствующей проблематике и международники (4%), заинтересовавшиеся тем местом, которое занимает апелляция к памяти в дипломатических отношениях между странами⁴⁵. Именно эти дисциплинарные группы, часто публикующиеся под одной обложкой, и определяют лицо современных Transnational Memory studies — весьма эклектичных и обособленных в плане предмета исследования, методологии и концептуального аппарата.

⁴⁴ Kapralski 2017; David 2017.

⁴⁵ Bachleitner 2021.

При всем обилии подходов Transnational Memory studies их можно свести к нескольким оптикам мемориального взаимодействия, которые иногда пересекаются. На мой взгляд, таких оптик шесть.

Первая оптика — это *международная* (international) оптика изучения государств. Именно государства формируют историческую политику, проводят дипломатическую политику «покаяния»/«извинения», выплачивают компенсации, содействуют комиссиям по примирению и участвуют в «войнах памяти» с соседями. В строящихся на этой оптике исследованиях транснационального взаимодействия⁴⁶ главными игроками остаются национальные государства, хотя процесс создания нового этического порядка, определяющего, кто является преступником, а кто жертвой, какими должны быть компенсации и принципы коммеморации события, нельзя представить без массовых общественных движений и НКО. Как правило, в исследованиях этого типа делается упор на распространении немецкой модели покаяния в разных странах, которые могут идеализировать немецкий опыт, задействовать его частично или вносить в него собственные новации⁴⁷. Так, опубликованный в 1985 г. доклад «Никогда снова» аргентинской Национальной комиссии по делу о массовом исчезновении людей, посвященный преступлениям хунты, равно как и заключения Комиссии правды и примирения, образованной в ЮАР после отмены апартеида, оказали на некоторые страны не меньшее влияние, чем дискурс о Холокосте⁴⁸.

⁴⁶ См., напр. Torrey 2006; Olick 2007.

⁴⁷ Gabowitsch (ed.) 2017.

⁴⁸ Эннле 2020: 131—158, 188—217.

⁴⁹ Weiner 2001.

⁵⁰ David 2017.

⁵¹ Koureas et al. 2019.

⁵² De Cesari 2014.

Вторая оптика — это понимание транснациональной памяти как *наднациональной*. Эта память может носить выраженный (пост)имперский характер, что отчетливо просматривается, когда речь идет о едином «мифе» о Великой Отечественной войне в республиках СССР⁴⁹, или о том, как продвигаемый ЕС нарратив о Холокосте вступает в противоречие с локальными нарративами о национальной травме⁵⁰, или о том, как современная Турция использует память об Османской империи в качестве «мягкой силы» и ностальгической точки притяжения для бывших частей империи⁵¹. Своего рода гибридной версией наднациональной памяти является культурное наследие, которое может быть одновременно локальным и всемирным (учитывая деятельность ЮНЕСКО по определению того, что заслуживает сохранения для будущего человечества, а что нет)⁵². Такое понимание транснациональной памяти особенно продуктивно, когда авторы обращают внимание на столкновение

между унифицирующими нарративами, которые распространяют влиятельные организации, и их функционированием на местах. Как показывает Ли Давид на примере памяти о геноциде югославских евреев, «правильная» память о Холокосте становится предметом торга между Евросоюзом (а также Международным альянсом памяти жертв Холокоста) и Сербией и Хорватией, которые, соглашаясь продвигать нужные нарративы за финансовую поддержку, сохраняют при этом локальные интерпретации трагического события⁵³.

⁵³ David 2017.

Третья оптика транснациональной памяти — *диаспорическая*. Иначе говоря, это память диаспор о миграциях, депортациях, переселениях, геноцидах, которая при наличии в государстве нескольких диаспор с культурной травмой может приводить к диалогическим эффектам разнонаправленной памяти (о чем писал Ротберг применительно к еврейской и афроамериканской общинам в США⁵⁴). О какой бы диаспорической памяти ни шла речь, будь то развитие памяти гугенотов на протяжении нескольких столетий⁵⁵, память эстонской диаспоры в Нидерландах о советских репрессиях⁵⁶, «женская память» иракской диаспоры в Аммане, Детройте и Торонто⁵⁷ или память чилийских мигрантов в Великобритании о диктатуре Пиночета⁵⁸, все исследователи подчеркивают сложный характер диаспоры как актора памяти. Во-первых, диаспора заинтересована в сохранении и институционализации коллективной памяти о родине в целях поддержания собственной идентичности в государстве проживания; во-вторых, она стремится влиять на восприятие места своего исхода другими сообществами и продуцирует особые национальные нарративы для тех, кто остался в нем; в-третьих, ее память неизбежно заимствует коммеморативные приемы, присущие инокультурным сообществам, с которыми она коммуницирует. Именно это, на мой взгляд, делает диаспору столь важным объектом исследования в рамках Transnational Memory studies — лабораторией, где процессы транснациональной памяти предстают особенно зримыми и многомерными.

⁵⁴ Rothberg 2009.

⁵⁵ Trim (ed.) 2011.

⁵⁶ Melchior 2017.

⁵⁷ Jones-Gailani 2020.

⁵⁸ Serpente 2015.

Четвертая оптика предполагает взгляд на транснациональную память как на *медиатизованную* память, акторы которой с помощью кино, литературы, прессы и других медиа создают «глобальные иконы» и осуществляют трансферы художественных и/или коммеморативных моделей по всему миру⁵⁹. С методологической точки зрения концепт медиатизированной памяти используется для нарративного, визуального, жанрового и рецептивного анализа сообщений о прошлом, которые распространяются посредниками памяти поверх границ⁶⁰. Сила медиа настолько велика, что приводит к детерриториализации памяти о событии и ее культурной апроприации за пределами страны, где это событие произошло (наглядной иллюстрацией здесь может служить «американизация» Холокоста)⁶¹.

⁵⁹ De Cesari and Rigney (eds.) 2014.

⁶⁰ Erll and Rigney (eds.) 2012.

⁶¹ Novick 1999.

Рассуждая о медиатизированной памяти, исследователи подчеркивают особую значимость продуцируемых медиа образов для сообществ, которые по разным причинам не смогли выработать собственного язы-

⁶² Landsberg 2004. ка о травме⁶². Классическим примером такого сообщества является Руанда. Как показывает Малгожата Вошиньска, несмотря на катастрофические масштабы геноцида тутси, имевшего место в стране в 1994 г., молодые руандийцы о нем мало знают, но зато хорошо разбираются в истории Холокоста, поскольку в музеях, спонсируемых британскими благотворительными организациями и оформленных с помощью израильских специалистов, ему уделяется непропорционально много внимания⁶³. Другими словами, при недостаточной поддержке со стороны местных акторов, чей опыт, ресурсы и креативный потенциал куда скромнее той индустрии памяти, которую предлагают, в частности, институции, вовлеченные в распространение памяти о Холокосте, сформированная медиа «глобальная икона» способна активно конкурировать с памятью о национальной травме и даже вытеснять ее.

В то же время стоит упомянуть и иной подход к медиатизации памяти. Люди не просто воображают прошлое «жанрами», о чем писал еще Михаил Бахтин⁶⁴, эти «жанры» еще и конкурируют между собой в пространстве мемориальных культур. Так, по мнению Вулфа Канстайнера, одна из важнейших причин торможения транснационализации памяти о Холокосте заключается в том, что старшее поколение мемориальных акторов, воспитанное на аналоговых посредниках (литературе, кино, музеях, архитектуре), не принимает социальных медиа и компьютерных игр о Холокосте, а также иных форм дигитализации. Между тем, как полагает Канстайнер, интернет как посредник памяти — не только проявление, но и двигатель глобализации, который делает доступными многие нарративы и образы памяти. Но для того чтобы выжить, то есть быть привлекательными для новых поколений, эти нарративы и образы должны меняться и медийно, и жанрово⁶⁵. И именно в процессе конкуренции медийных форм и их сторонников определяются принципы, по которым будет воображаться прошлое в глобальном цифровом мире.

Однако было бы ошибкой видеть в цифровой памяти лишь механическое продолжение памяти медиатизованной. Цифровая революция кардинально повлияла на процессы формирования культурной и коллективной памяти, равно как и на представления о ее архивации, о циркуляции и создании образов и нарративов памяти в социальных медиа, об имитации прошлого в видеоиграх и т.д.⁶⁶ Это побуждает выделить *цифровую* память в качестве отдельной (пятой) оптики, отражающейся на понимании транснациональной памяти. С одной стороны, интернет, гаджеты и программное обеспечение делают распространение нарративов, образов и медиапамяти за пределами национальных фреймов куда проще и эффективнее, чем когда бы то ни было⁶⁷. С другой стороны, это не означает появления особой унифицированной глобальной памяти, строящейся на космополитических принципах взаимного признания и уважения. Кибероптимизм ранних Digital memory studies постепенно сошел на нет, и исследователи цифровой памяти все чаще обнаруживают, что пользователи социальных сетей, комментаторы YouTube и ре-

⁶⁶ Павловский 2023.

⁶⁷ Hoskins 2011; Reading 2011.

⁶⁸ Pentzold 2009;
Dounaevsky 2013;
Makhortykh 2020.

⁶⁹ Halstead 2021.

дакторы Википедии используют эти площадки для продвижения и пропаганды национальных нарративов о прошлом, но только делают это в глобальном масштабе для транснациональной аудитории⁶⁸ (хотя и здесь есть исключения в виде «цифрового покаяния» и транскультурного диалога в Сети⁶⁹). Интернет — глобальное место памяти и обмена идеями, но вместе с тем он и глобальное место противостояния национальных нарративов, которые живут и развиваются в транснациональном диалоге с другими.

Наконец, шестая оптика транснациональной памяти — это *глобальная* оптика как таковая. Даже сегодня мыслить память как глобальный феномен — сложное предприятие, требующее четкого разграничения красивой метафоры и реального предмета исследования. Как уже упоминалось, глобальный подход в исторических штудиях предполагает особое внимание к одновременности (симультанности, синхронии) событий и их последствий, а также к проблеме интеграции процессов, еще не приобретших качества глобальных⁷⁰. Для того чтобы такой подход заработал в Memory studies, необходимо учитывать два фактора, которые для удобства я бы обозначил как симультанность-1 и симультанность-2.

⁷⁰ Конрад 2018:
19–28, 60–71.

⁷¹ Langenbacher
and Shain (eds.)
2010.

⁷² Ertl 2020.

Симультанность-1 подразумевает изучение эффекта глобального события, послужившего триггером для множества памятей в мире, будь то Вторая мировая война, теракты 11 сентября 2001 г.⁷¹ или COVID-19⁷². К сожалению, такая сосредоточенность на памяти о глобальном чревата возвращением к «ящичному» национальному описанию проблемы с одним истоком, хотя интерес к тому, как глобальное усваивается локальными культурами, бесспорно, продуктивен, особенно если не забывать о трансферах и связях между этими традициями. В свою очередь симультанность-2 заставляет задаваться вопросами о том, как транснациональный или глобальный феномен меняет саму природу культурной памяти и воздействует на ее циркуляцию и усвоение. К подобного рода симультанным событиям можно отнести глобализацию *per se*, распространение новых посредников памяти (от печати, радио и кино до интернета и виртуальной реальности) или, скажем, появление социальных движений, которые в некий конкретный момент времени начинают влиять на отношение к прошлому сразу в нескольких странах (как, например, движение Black Lives Matter с его иконоклазмом колониального наследия в США, Великобритании и других странах).

Подобное концептуальное разделение на симультанность-1 и симультанность-2, на мой взгляд, упрощает и конкретизирует определение того, что исследователи называют глобальной памятью или памятью о глобальном. Однако нельзя сказать, чтобы эта проблема подробно освещалась в Memory studies, и глобальное понимание транснациональной памяти пока находится в зачаточном состоянии. В частности, отталкиваясь от теории Карла Ясперса, исследователи развивают применительно к культурной памяти понятие осевого времени. Так, Ян Ассман утверждает, что стремление к моральному универсализму ста-

⁷³ *Assmann 2010.* ло впервые проявляться в регионах мира примерно в 500 г. до н.э.⁷³ В свою очередь Алейда Ассман связывает осевое время современности с превращением памяти о Холокосте в универсальную норму, по крайней мере в Западной Европе и США⁷⁴ (впрочем, следует отметить, что триггером simultaneity здесь выступает не Холокост, а именно его репрезентация в 1990-е годы). Эти гипотезы выглядят интересными, но в силу своей абстрактности оставляют впечатление спекулятивных, идеологизированных и слабо подкрепленных эмпирически: как уже говорилось, распространение памяти о Шоа как основы новой общечеловеческой этики не стоит преувеличивать, и при ближайшем рассмотрении глобальная память о Холокосте оказывается не столь уж глобальной.

В контексте глобальной памяти гораздо более инструментальным мне представляется подход Конрада. Исследуя «войны памяти», развернувшиеся в Японии, Китае и Корее и между данными странами в 1990-е годы, Конрад предлагает перейти от генеалогической модели их объяснения к синхронической. Согласно генеалогической модели, эти «войны памяти», то есть публичные дебаты о жертвах и ответственности во время японской оккупации, являются отзвуком событий 1930—1940-х годов, одномоментным взрывом кипящего котла национальной травмы, которая подавлялась десятилетиями. По мнению же Конрада, продуктивнее анализировать регионализацию 1990-х годов, когда в силу процессов экономической и финансовой интеграции появилась транснациональная публичная сфера, в рамках которой нарратив о корейских и китайских жертвах был услышан или сознательно проигнорирован различными мемориальными акторами в Японии⁷⁵.

Рассуждения Конрада об истоках синхронии памяти можно рассматривать как успешную атаку на генеалогическую модель объяснения причин и следствий, в конечном счете приближающую нас к пониманию того, как анализировать глобальную память. Вместе с тем, как мне кажется, проблему генеалогии культурной памяти нельзя упрощать. Конечно, эффект синхронии проявляет связи и делает видимым в транснациональной оптике то, что раньше оставалось вне поля зрения акторов. Однако то, что станет видимым, зависит от развития архива и канона памяти в национальной традиции, а этот процесс может быть нелинейным, конфликтным и противоречивым (что прекрасно показывает тот же Конрад в книге «Поиск потерянной нации»⁷⁶). Другими словами, генеалогия нарративов памяти и синхрония их транснационализации должны исследоваться во взаимосвязи — это главный совет, который можно дать всякому, кто занимается сюжетами транснациональной памяти (но который пока так трудно реализовать на практике).

Заключение

Таким образом, применительно к сегодняшней ситуации гораздо проще сказать, от чего уводит транснациональный поворот в Memory studies, чем куда он ведет. «Методологический национализм» остается

проклятием многих исследователей памяти, и даже тогда, когда он осознается, требуются усилия по транснационализации темы, ее разгерметизации. Как начать мыслить локальное, национальное и глобальное не в качестве контейнеров смыслов и четко заданных масштабов, а в качестве условий, при которых памяти и культуры циркулируют внутри и поверх границ, пересекаясь друг с другом ради антагонистической схватки или взаимообогащения? Transnational Memory studies являются призывом к такому углу зрения и предлагают для этого эвристические инструменты, часть которых, как ни парадоксально, мы можем найти уже в текстах классиков Memory studies, и прежде всего Хальбвакса и Варбурга.

Конечно, концептуальный аппарат современных Transnational Memory studies не базируется на выводах «Легендарной топографии Евангелий в Святой Земле» Хальбвакса или «Великого переселения обрцов» Варбурга; их главный двигатель — это память о «трудном прошлом», о Холокосте, Второй мировой войне и колониализме. Обилие близкородственных концептов создает видимость конкуренции, но зачастую за этими концептами стоят принципиально разные идеологические и методологические установки. Так, если такие концепты, как «глобальная» и «космополитическая память» в трактовке Леви и Шнайдера или «диалогическая память» Ассман носят откровенно нормативный характер, то «переплетенные памяти» Конрада, «разнонаправленная память» Ротберга, «транскультурная память» Эрл обладают немалым эмпирическим потенциалом. При этом избавление от национальной перспективы в понимании транснациональной памяти еще далеко от завершения: уже сам факт того, что ученые смотрят поверх границ, свидетельствует о наличии таковых, и не столь важно, идет ли речь об эссенциальных рамках нации или культуры.

На состоянии современных Transnational Memory studies в существенной мере сказывается разнообразие дисциплинарного бэкграунда исследователей, среди которых есть и историки, и литературоведы, и антропологи, и социологи, и политологи. Именно от дисциплинарной принадлежности во многом зависит выбор исследовательской оптики. Сегодня отчетливо просматриваются шесть таких оптик — международная, наднациональная, диаспорическая, медиатизированная, цифровая и глобальная. Эти оптики могут пересекаться, но зачастую существуют автономно. В итоге, чтобы избежать скатывания к банальности или очередной метафоре, каковых в исследованиях коллективной памяти (включая сам концепт памяти) и так в избытке, каждому автору приходится ответственно определять, что именно он понимает под транснациональной памятью.

В целом не вызывает сомнений, что в условиях глобализованного мира, одновременно разделенного и связанного эпидемиями, войнами, потоками капиталов, будущее Transnational Memory studies будет зависеть от того, как много точек соприкосновения найдется между учеными с разным дисциплинарным бэкграундом и насколько быстро это

субполе институционализируется в формате научных журналов, книжных серий⁷⁷, исследовательских центров и учебных программ. Хочется верить, что этот процесс затронет и современную Россию.

Библиография

⁷⁷ На сегодняшний день наиболее важные сборники в русле *Transnational memory studies* опубликованы в рамках книжной серии издательства De Gruyter «*Media and Cultural Memory*».

Аникин Д. А. (2011) «Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования» // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, т. 153, № 1: 15–21.

Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2016) *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2017) «Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти» // *Историческая экспертиза*, № 4: 9–30.

Ассман А. (2019) *Забвение истории — одержимость историей*. М.: Новое литературное обозрение.

Бахтин М.М. (1986) «Эпос и роман» // Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. М.: Художественная литература: 392–427.

Винок М. (1999) «Жанна д'Арк» // Нора П., ред. *Франция — память*. СПб.: Изд-во СПбГУ: 225–295.

Головашина О.В. (2022a) «„Предания существуют, когда мы их касаемся“: предисловие к переводу М.Хальбвакса» // *Социология власти*, № 1: 140–143.

Головашина О.В. (2022b) «Memory studies в поисках эпистемологических оснований» // *Социология власти*, № 1: 8–17.

Доронченков И.А. (2008) «Аби Варбург: Сатурн и Фортуна» // Варбург А. *Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности*. СПб.: Азбука-классика: 7–50.

Конрад С. (2018) *Что такое глобальная история? М.*: Новое литературное обозрение.

Летняков Д.Э. (2020) «Транснациональная история как способ работы с коллективной памятью» // *Вопросы философии*, № 7: 20–24.

Нора П. (1999) «Как писать историю Франции?» // Нора П., ред. *Франция — память*. СПб.: Изд-во СПбГУ: 66–94.

Павловский А.Ф. (2023) «Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies?» // Павловский А.Ф. и А.И.Миллер, ред. *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: 7–49.

Пахалюк К.А. (2016) «Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы» // *Историческая экспертиза*, № 3: 33–48.

Репина Л.П. (2017) «Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса)» // *Запад — Восток*, № 10: 13–19. URL: <http://west-east.marsu.ru/view/journal/article.html?id=165> (проверено 6.03.2023).

Сафронова Ю.А. (2018) «Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти» // *Политическая наука*, № 3: 12—27. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3348/2018_politicheskaia_nauka_3.pdf (проверено 6.03.2023).

Сафронова Ю.А. (2019) *Историческая память: Введение*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Хальбвакс М. (2005) «Коллективная и историческая память» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2—3 (40—41): 8—27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (проверено 16.02.2023).

Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.

Эппле Н. (2020) *Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: Новое литературное обозрение.

Эрлих С.Е. (2016) «Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив» // *Историческая экспертиза*, № 3: 11—32.

Alexander J.C. (2002) «On the Social Construction of Moral Universals: The „Holocaust“ from Mass Murder to Trauma Drama» // *European Journal of Social Theory*, vol. 5, no. 1: 5—86.

Alexander J.C. (2004) «Toward a Theory of Cultural Trauma» // Alexander J.C., R.Eyerman, B.Giesen, N.J.Smelser, and P.Sztompka. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press: 196—263.

Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. (2017) *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill.

Assmann A. and S.Conrad, eds. (2010) *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan.

Assmann J. (2010) «Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory» // Assmann A. and S.Conrad, eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan: 121—137.

Assmann J. (2011) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bachleitner K. (2021) *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.

Bond L. and J.Rapson, eds. (2014) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Conrad S. (2003) «Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945—2001» // *Journal of Contemporary History*, vol. 38, no. 1: 85—99.

Conrad S. (2010a) «Remembering Asia: History and Memory in Post-Cold War Japan» // Assmann A. and S.Conrad, eds. *Memory in a Global*

Age: Discourses, Practices and Trajectories. London: Palgrave Macmillan: 163–178.

Conrad S. (2010b) *The Quest for the Lost Nation. Writing History in Germany and Japan in the American Century*. Berkeley: University of California Press.

David L. (2017) «Lost in Transaction in Serbia and Croatia: Memory Content as a Trade Currency» // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 73–98.

De Cesari C. (2014) «World Heritage and the Nation-State: A View from Palestine» // De Cesari C. and A.Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 247–270.

De Cesari C. and A.Rigney. (2014) «Introduction» // De Cesari C. and A.Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 1–21.

De Cesari C. and A.Rigney, eds. (2014) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Dounaevsky H. (2013) «Building Wiki-History: Between Consensus and Edit Warring» // Rutten E., J.Fedor, and V.Zvereva, eds. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States*. London, New York: Routledge: 130–142.

Ebron P.A. (2014) «Slavery and Transnational Memory: The Making of New Publics» // De Cesari C. and A.Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 147–168.

Erl A. (2011) «Travelling Memory» // Crownshaw R., ed. *Transcultural Memory*. London, New York: Routledge: 4–18.

Erl A. (2020) «Afterword: Memory Worlds in Times of Corona» // *Memory Studies*, vol. 13, no. 5: 861–874.

Erl A. and A.Rigney, eds. (2012) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Fareld V. (2021) «Entangled Memories of Violence: Jean Améry and Frantz Fanon» // *Memory Studies*, vol. 14, no. 1: 58–67.

Feindt G., F.Krawatzek, D.Mehler, F.Pestel, and R.Trimçev. (2014) «Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies» // *History and Theory*, vol. 53, no. 1: 24–44.

Fischer N. (2022) «Entangled Suffering and Disruptive Empathy: The Holocaust, the Nakba and the Israeli-Palestinian Conflict in Susan Abulhawa's Mornings in Jenin» // *Memory Studies*, vol. 15, no. 4: 695–712.

Gabowitsch M. (2017) «Replicating Atonement: The German Model and Beyond» // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 1–23.

Gabowitsch M., ed. (2017) *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan.

Gutman Y., A.D.Brown, and A.Sodaro, eds. (2010) *Memory and the Future Transnational Politics, Ethics and Society*. London: Palgrave Macmillan.

Halstead H. (2021) «„We Did Commit These Crimes“: Post-Ottoman Solidarities, Contested Places and Kurdish Apology for the Armenian Genocide on Web 2.0» // *Memory Studies*, vol. 14, no. 3: 634–649.

Haupt H.-G. and J.Kocka, eds. (2009) *Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives*. New York: Berghahn Books.

Hebel U.J., ed. (2009) *Transnational American Memories*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Henderson M. and J.Lange, eds. (2017) *Entangled Memories: Remembering the Holocaust in a Global Age*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Hoskins A. (2011) «7/7 and Connective Memory: Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture» // *Memory Studies*, vol. 4, no. 3: 269–280.

Hoskins A. and H.Halstead. (2021) «The New Grey of Memory: Andrew Hoskins in Conversation with Huw Halstead» // *Memory Studies*, vol. 14, no. 3: 675–685.

Iriye A. and P.-Y.Saunier. (2009) *The Palgrave Dictionary of Transnational History*. London: Palgrave Macmillan.

Jones-Gailani N. (2020) *Transnational Identity and Memory Making in the Lives of Iraqi Women in Diaspora*. Toronto: University of Toronto Press.

Kansteiner W. (2017) «Transnational Holocaust Memory, Digital Culture and the End of Reception Studies» // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 305–344.

Kapralski S. (2017) «Jews and the Holocaust in Poland’s Memoryscapes: An Inquiry into Transcultural Amnesia» // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 170–197.

Kasianov G. (2022) «Challenges of Antagonistic Memory: Scholars versus Politics and War» // *Memory Studies*, vol. 15, no. 6: 1295–1298.

Koureas G., J.Prosser, C.Wilson, and L.Hakim-Dowek. (2019) «Ottoman Transcultural Memories: Introduction» // *Memory Studies*, vol. 12, no. 5: 483–492.

Landsberg A. (2004) *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press.

Langenbacher E. and Y.Shain, eds. (2010) *Power and the Past: Collective Memory and International Relations*. Washington: Georgetown University Press.

Leggewie C. (2008) «A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory» // *Social Research*, vol. 75, no. 1: 217–234.

Levy D. and N.Sznaider. (2005) *Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press.

Lim J.-H. (2010) «Victimhood Nationalism in Contested Memories: National Mourning and Global Accountability» // Assmann A. and S.Conrad,

eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan: 138—162.

Majerus B. (2014) «The „Lieux de Memoire“: a Place of Remembrance for European Historians?» // Berger S. and J.Seiffert, eds. *Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften*. Essen: Klartext: 117—130.

Makhortykh M. (2020) «Remediating the Past: YouTube and Second World War Memory in Ukraine and Russia» // *Memory Studies*, vol. 13, no. 2: 146—161.

Melchior I. (2017) «Double Victims and Agents of Change in Europe's Margins: Estonian Emigrants Sharing „Their“ Repressive Soviet Past in the Netherlands» // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 122—146.

Novick P. (1999) *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton Mifflin.

Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London, New York: Routledge.

Pentzold C. (2009) «Fixing the Floating Gap: The Online Encyclopaedia Wikipedia as a Global Memory Place» // *Memory Studies*, vol. 2, no. 2: 255—272.

Reading A. (2011) «Memory and Digital Media: Six Dynamics of the Global Memory Field» // Neiger M., O.Meyers, and E.Zandberg, eds. *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan: 241—252.

Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press.

Rothberg M. (2014a) «Locating Transnational Memory» // *European Review*, vol. 22, no. 4: 652—656.

Rothberg M. (2014b) «Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany» // De Cesari C. and A.Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 123—146.

Serpente A. (2015) «Diasporic Constellations: The Chilean Exile Diaspora Space as a Multidirectional Landscape of Memory» // *Memory Studies*, vol. 8, no. 1: 49—61.

Torpey J. (2006) *Making Whole What Has Been Smashed: On Reparations Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Trim D.J.B., ed. (2011) *The Huguenots: History and Memory in Transnational Context*. Leiden, Boston: Brill.

Weiner A. (2001) *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press.

Wosińska M. (2017) «Murambi Is Not Auschwitz: The Holocaust in Representations of the Rwandan Genocide» // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 187—208.

A.F.Pavlovskii

IN SEARCH OF GLOBAL MEMORY: WHERE DOES THE TRANSNATIONAL TURN IN MEMORY STUDIES LEAD?

Aleksi F. Pavlovskii — Ph.D. Candidate at the Department of History, Associate Researcher at the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics, European University at St Petersburg (EUSP). Email: apavlovskiy@eu.spb.ru.

Abstract. The article is devoted to the transnational turn in the research of collective and cultural memory in the 21st century, reflecting the desire of scientists working within Memory studies to go beyond “methodological nationalism” and explore the formation and circulation of historical memory across borders. Based on the English-language literature of the 2000s—2020s, the author analyzes the emerging field of Transnational Memory studies from the point of view of the categorical apparatus, disciplinary features and research approaches.

Having documented that discussions about the transcultural dimension of collective memory are present even in the works of the classics of Memory studies, the author shows that the efforts of their modern critics are driven by the attempts to conceptualize the memory of the Holocaust, World War II, colonialism and other events of the “difficult past”. The abundance of closely related concepts elaborated in recent years creates an illusion of competition in this field, but these concepts are often based on fundamentally different ideological and methodological settings, and if some of the concepts possess a certain empirical potential, others are completely normative.

The author identifies six main research lenses within the current state of Transnational Memory studies — international, supranational, diasporic, mediated, digital and, finally, global, associated with the problem of memory synchrony/simultaneity. At the same time, according to his conclusion, getting rid of the national perspective in understanding transnational memory is still far from complete, and the very fact that scientists look beyond borders indicates that such borders still exist.

Keywords: global memory, transnational memory, transcultural memory, Memory studies, places of memory, Holocaust, simultaneity

References

- Alexander J.C. (2002) “On the Social Construction of Moral Universals: The „Holocaust“ from Mass Murder to Trauma Drama” // *European Journal of Social Theory*, vol. 5, no. 1: 5–86.
- Alexander J.C. (2004) “Toward a Theory of Cultural Trauma” // Alexander J.C., R.Eyerman, B.Giesen, N.J.Smelser, and P.Sztompka. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press: 196–263.
- Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. (2017) *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill.
- Anikin D.A. (2011) “Politika pamjati v global’nom mire: predposylki sotsial’no-filosofskogo issledovanija” [The Policy of Memory in the Global World: Preconditions for Social and Philosophical Research] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], vol. 153, no. 1: 15–21. (In Russ.)
- Assmann A. (2014) *Dlinnaja ten’ proshlogo: Memorial’naja kul’tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Assmann A. (2016) *Novoe nedovol’stvo memorial’noj kul’turoj* [Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Assmann A. (2017) “Sushchestvuet li global’naja pamjat’ o Kholokoste? Rasshirenie i granitsy novogo soobshchestva pamjati” [The Holocaust — a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community] // *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], no. 4: 9–30. (In Russ.)
- Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — odezhimost’ istoriej* [Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Assmann A. and S.Conrad, eds. (2010) *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan.
- Assmann J. (2010) “Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory” // Assmann A. and S.Conrad, eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan: 121–137.
- Assmann J. (2011) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bachleitner K. (2021) *Collective Memory in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Bakhtin M.M. (1986) “Epos i roman” [Epic and Novel] // Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat’i* [Literary and Critical Articles]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura: 392–427. (In Russ.)
- Bond L. and J.Rapson, eds. (2014) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Conrad S. (2003) “Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001” // *Journal of Contemporary History*, vol. 38, no. 1: 85–99.

Conrad S. (2010a) “Remembering Asia: History and Memory in Post-Cold War Japan” // Assmann A. and S. Conrad, eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan: 163–178.

Conrad S. (2010b) *The Quest for the Lost Nation: Writing History in Germany and Japan in the American Century*. Berkeley: University of California Press.

Conrad S. (2018) *Chto takoe global'naja istorija?* [What Is Global History?] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

David L. (2017) “Lost in Transaction in Serbia and Croatia: Memory Content as a Trade Currency” // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 73–98.

De Cesari C. (2014) “World Heritage and the Nation-State: A View from Palestine” // De Cesari C. and A. Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 247–270.

De Cesari C. and A. Rigney. (2014) “Introduction” // De Cesari C. and A. Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 1–21.

De Cesari C. and A. Rigney, eds. (2014) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter.

Doronchenkov I.A. (2008) “Abi Varburg: Saturn i Fortuna” [Abi Warburg: Saturn and Fortune] // Warburg A. *Velikoe pereselenie obrazov: Issledovanie po istorii i psikhologii vozrozhdenija antichnosti* [The Great Migration of Images: A Study on the History and Psychology of the Renaissance of Antiquity]. St Petersburg: Azbuka-klassika: 7–50. (In Russ.)

Dounaevsky H. (2013) “Building Wiki-History: Between Consensus and Edit Warring” // Rutten E., J. Fedor, and V. Zvereva, eds. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States*. London, New York: Routledge: 130–142.

Ebron P.A. (2014) “Slavery and Transnational Memory: The Making of New Publics” // De Cesari C. and A. Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 147–168.

Ehrlich S.E. (2016) “Global'naja pamjat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrative” [The Global Memory of the Information Society: Ethics, Identity, Narrative] // *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], no. 3: 11–32. (In Russ.)

Epple N. (2020) *Neudobnoe proshloe: pamjat' o gosudarstvennykh prestuplenijakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Erl A. (2011) “Travelling Memory” // Crownshaw R., ed. *Transcultural Memory*. London, New York: Routledge: 4–18.

- Erl A. (2020) “Afterword: Memory Worlds in Times of Corona” // *Memory Studies*, vol. 13, no. 5: 861–874.
- Erl A. and A.Rigney, eds. (2012) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Fareld V. (2021) “Entangled Memories of Violence: Jean Améry and Frantz Fanon” // *Memory Studies*, vol. 14, no. 1: 58–67.
- Feindt G., F.Krawatzek, D.Mehler, F.Pestel, and R.Trimçev. (2014) “Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies” // *History and Theory*, vol. 53, no. 1: 24–44.
- Fischer N. (2022) “Entangled Suffering and Disruptive Empathy: The Holocaust, the Nakba and the Israeli-Palestinian Conflict in Susan Abulhawa’s Mornings in Jenin” // *Memory Studies*, vol. 15, no. 4: 695–712.
- Gabowitsch M. (2017) “Replicating Atonement: The German Model and Beyond” // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 1–23.
- Gabowitsch M., ed. (2017) *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan.
- Golovashina O.V. (2022a) “„Predanija sushchestvujut, kogda my ikh kasaemsja“: predislovie k perevodu M.Hal'bvaksa” [“Legends Exist When We Touch Them”: Preface to the Translation of M.Halbwachs’ Works] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 1: 140–143. (In Russ.)
- Golovashina O.V. (2022b) “Memory studies v poiskakh epistemologičeskikh osnovanij” [Memory Studies in Search of Epistemological Foundations] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 1: 8–17. (In Russ.)
- Gutman Y., A.D.Brown, and A.Sodaro, eds. (2010) *Memory and the Future Transnational Politics, Ethics and Society*. London: Palgrave Macmillan.
- Halbwachs M. (2005) “Kollektivnaja i istoričeskaja pamjat’” [La mémoire collective] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2–3 (40–41): 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoričeskaya-pamyat.html> (accessed on 16.02.2023). (In Russ.)
- Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamjati* [Les cadres sociaux de la mémoire]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Halstead H. (2021) “„We Did Commit These Crimes“: Post-Ottoman Solidarities, Contested Places and Kurdish Apology for the Armenian Genocide on Web 2.0” // *Memory Studies*, vol. 14, no. 3: 634–649.
- Haupt H.-G. and J.Kocka, eds. (2009) *Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives*. New York: Berghahn Books.
- Hebel U.J., ed. (2009) *Transnational American Memories*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Henderson M. and J.Lange, eds. (2017) *Entangled Memories: Remembering the Holocaust in a Global Age*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.

Hoskins A. (2011) “7/7 and Connective Memory: Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture” // *Memory Studies*, vol. 4, no. 3: 269–280.

Hoskins A. and H.Halstead. (2021) “The New Grey of Memory: Andrew Hoskins in Conversation with Huw Halstead” // *Memory Studies*, vol. 14, no. 3: 675–685.

Iriye A. and P.-Y.Saunier. (2009) *The Palgrave Dictionary of Transnational History*. London: Palgrave Macmillan.

Jones-Gailani N. (2020) *Transnational Identity and Memory Making in the Lives of Iraqi Women in Diaspora*. Toronto: University of Toronto Press.

Kansteiner W. (2017) “Transnational Holocaust Memory, Digital Culture and the End of Reception Studies” // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 305–344.

Kapralski S. (2017) “Jews and the Holocaust in Poland’s Memoryscapes: An Inquiry into Transcultural Amnesia” // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 170–197.

Kasianov G. (2022) “Challenges of Antagonistic Memory: Scholars versus Politics and War” // *Memory Studies*, vol. 15, no. 6: 1295–1298.

Koureas G., J.Prosser, C.Wilson, and L.Hakim-Dowek. (2019) “Ottoman Transcultural Memories: Introduction” // *Memory Studies*, vol. 12, no. 5: 483–492.

Landsberg A. (2004) *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press.

Langenbacher E. and Y.Shain, eds. (2010) *Power and the Past: Collective Memory and International Relations*. Washington: Georgetown University Press.

Leggewie C. (2008) “A Tour of the Battleground: The Seven Circles of Pan-European Memory” // *Social Research*, vol. 75, no. 1: 217–234.

Letnyakov D.E. (2020) “Transnatsional'naja istorija kak sposob raboty s kollektivnoj pamjat'ju” [Transnational History as a Way of Working with Collective Memory] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 7: 20–24. (In Russ.)

Levy D. and N.Sznaider. (2005) *Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia: Temple University Press.

Lim J.-H. (2010) “Victimhood Nationalism in Contested Memories: National Mourning and Global Accountability” // Assmann A. and S.Conrad, eds. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. London: Palgrave Macmillan: 138–162.

Majerus B. (2014) “The „Lieux de Memoire“: a Place of Remembrance for European Historians?” // Berger S. and J.Seiffert, eds. *Erinnerungsorte: Chancen, Grenzen und Perspektiven eines Erfolgskonzeptes in den Kulturwissenschaften*. Essen: Klartext: 117–130.

Makhortykh M. (2020) “Remediating the Past: YouTube and Second World War Memory in Ukraine and Russia” // *Memory Studies*, vol. 13, no. 2: 146–161.

Melchior I. (2017) “Double Victims and Agents of Change in Europe’s Margins: Estonian Emigrants Sharing „Their“ Repressive Soviet Past in the Netherlands” // Andersen T.S. and B.Törnquist-Plewa, eds. *The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception*. Leiden, Boston: Brill: 122–146.

Nora P. (1999) “Kak pisat’ istoriju Frantsii?” [Comment écrire l’histoire de France?] // Nora P., ed. *Frantsija — pamjat’* [France — Memory]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU: 66–94. (In Russ.)

Novick P. (1999) *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton Mifflin.

Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London, New York: Routledge.

Pakhaliuk K.A. (2016) “Global’naja kul’tura pamjati: v poiskakh teleologicheskoy perspektivy” [The Global Memory Culture in Searching of Teleological Perspective] // *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], no. 3: 33–48. (In Russ.)

Pavlovskii A.F. (2023) “Tsifrovye ramki kollektivnoj pamjati: kuda vedet tsifrovoy povorot v memory studies?” [Digital Framework of Collective Memory: Where Does the Digital Turn in Memory Studies Lead?] // Pavlovskii A.F. and A.I.Miller, eds. *Pamjat’ v Seti: tsifrovoy povorot v memory studies* [Memory in the Web: A Digital Turn in Memory Studies]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 7–49. (In Russ.)

Pentzold C. (2009) “Fixing the Floating Gap: The Online Encyclopaedia Wikipedia as a Global Memory Place” // *Memory Studies*, vol. 2, no. 2: 255–272.

Reading A. (2011) “Memory and Digital Media: Six Dynamics of the Global Memory Field” // Neiger M., O.Meyers, and E.Zandberg, eds. *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan: 241–252.

Repina L.P. (2017) “Pamjat’ o sobytijakh v kontekstakh natsional’noj, perekrestnoj i global’noj istorii (k postanovke voprosa)” [The Memory of Events in the Contexts of National, Cross and Global History (To the Formulation of the Question)] // *Zapad — Vostok* [West — East], no. 10: 13–19. URL: <http://west-east.marsu.ru/view/journal/article.html?id=165> (accessed on 6.03.2023). (In Russ.)

Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press.

Rothberg M. (2014a) “Locating Transnational Memory” // *European Review*, vol. 22, no. 4: 652–656.

Rothberg M. (2014b) “Multidirectional Memory in Migratory Settings: The Case of Post-Holocaust Germany” // De Cesari C. and A.Rigney, eds. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin, Boston: De Gruyter: 123–146.

Safronova Yu.A. (2018) “Tret’ja volna *memory studies*: Dvadtsat’ tri goda protiv shersti” [The Third Wave of *Memory Studies*: Going against the Grain for Twenty-three Years] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 12–27. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3348/2018_politicheskaja_nauka_3.pdf (accessed on 6.03.2023). (In Russ.)

Safronova Yu.A. (2019) *Istoricheskaja pamjat’: Vvedenie* [Historical Memory: Introduction]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Serpente A. (2015) “Diasporic Constellations: The Chilean Exile Diaspora Space as a Multidirectional Landscape of Memory” // *Memory Studies*, vol. 8, no. 1: 49–61.

Torpey J. (2006) *Making Whole What Has Been Smashed: On Reparations Politics*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Trim D.J.B., ed. (2011) *The Huguenots: History and Memory in Transnational Context*. Leiden, Boston: Brill.

Weiner A. (2001) *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press.

Winock M. (1999) “Zhanna d’Ark” [Joan of Arc] // Nora P., ed. *Fran-tsijska — pamjat’* [France — Memory]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU: 225–295. (In Russ.)

Wosińska M. (2017) “Murambi Is Not Auschwitz: The Holocaust in Representations of the Rwandan Genocide” // Gabowitsch M., ed. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave Macmillan: 187–208.